

В тени БЛАТНОГО

МУНИРА ВАГИНА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мунира Вагина

В тени блатного

«Автор»

2026

Вагина М.

В тени блатного / М. Вагина — «Автор», 2026

Нона привыкла петь для мужчин, которым не задают лишних вопросов. В ресторане «Гранат» одно имя Марселя открывает двери, заставляет людей говорить тише и даёт ей то, чего прежде не было: деньги, квартиру и ощущение защищённости. Но однажды Нона, помогая отчаявшемуся владельцу цеха, делает ошибку. Следователь Тимур Кошкин задаёт слишком точные вопросы и постепенно становится для неё опасно близким мужчиной. Теперь Нона живёт между двумя угрозами: следствием, которое всё глубже раскручивает цепочку чужих денег, и Марселем, для которого забота всё чаще означает контроль. Когда Марсель находит в её квартире чужую мужскую рубашку, тайная связь перестаёт быть просто изменой. Разбитое возле её лица зеркало, отобранные ключи и запертая дверь заставляют Нону понять: выбраться из тени человека, который привык решать всё за неё, будет куда опаснее, чем однажды в неё войти. В книге присутствует нецензурная брань.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Лицом к двери	5
ГЛАВА 2. Цена красивой жизни	11
ГЛАВА 3. Подарок с замком	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

В тени блатного

ГЛАВА 1. Лицом к двери

Мужчина за третьим столом попросил песню о матери и, пока Нона пела, ударил своего соседа по лицу.

Удар вышел коротким, почти деловым. Звякнула ложечка на блюде. Официант, стоявший рядом с бутылкой, отвёл глаза к стене, где в медной раме висело огромное зеркало. В нём отражалось всё, на что в «Гранате» не полагалось смотреть.

Нона не сбилась. Только переставила ногу, потому что ремешок туфли натёр кожу над пяткой.

Песню она знала с девятнадцати лет. Тогда в придорожном кафе под неё плакали водители, пахнувшие соляжкой, и однажды женщина в меховой безрукавке положила на край сцены варёное яйцо — больше дать было нечего. Здесь за ту же песню платили столько, сколько её мать получала за две недели работы в больничной прачечной. Последний год перед смертью та уже не могла разгибать пальцы по утрам, но продолжала стирать Ноне концертные блузки вручную: боялась, что машинка испортит кружево.

На слове «прости» мужчина за третьим столом поднял рюмку.

Нона смотрела чуть выше его головы.

В «Гранате» лучшие места определялись не близостью к сцене. Важнее было видеть вход, лестницу к отдельным кабинетам и дверь, через которую официанты приносили горячее. Мягкие кресла у стены занимали мужчины. Их спутницам доставались стулья напротив: женские спины в открытых платьях оставались обращёнными к залу.

Нона успела выучить эти порядки за четыре месяца.

Она знала, кому можно улыбнуться, кого лучше не узнавать вне ресторана, у какого посетителя нельзя брать деньги из рук — только со стола. И знала, что человек, которого только что ударили, сегодня оставит самые большие чаевые.

Песня закончилась. За третьим столом хлопнули несколько раз, нехотя, будто проверяли ладонью плотность подушки. Мужчина подозвал официанта и показал на сцену.

К Ноне принесли сложенную купюру.

— От Сергея Петровича.

— Передайте спасибо.

Она сунула деньги в зажим на пюпитре. Наклоняться за сумкой не хотелось: платье было тесным, с глубоким вырезом на спине, и каждое движение в нём требовало расчёта.

До перерыва оставалось две песни.

У колонны сидел человек в коричневом пиджаке. Перед ним остывал нетронутый судак. Он дважды посмотрел на часы, потом спрятал левую руку под стол, словно устыдился этого жеста. Обручальное кольцо было широким, старого образца.

Нона скользнула по нему взглядом и продолжила петь.

Он пришёл.

Теперь главное было не подходить первой.

После выступления она прошла между столами, принимая похвалы с одинаковой благодарностью. У третьего задержалась: Сергей Петрович протянул ладонь.

— За душу берёшь.

Его сосед смотрел в тарелку. На скуле проступили четыре красноватых следа.

— Хорошая песня, — сказала Нона.

— Не песня. Ты.

Она позволила ему подержать свои пальцы ровно столько, сколько требовалось, чтобы не пришлось их вырывать.

В узком служебном коридоре пахло жареным луком и мокрой тряпкой. Посудомойщица сидела на перевёрнутом ящике, прижимая к коленям бутылку воды. При появлении певицы она начала вставать.

— Сиди, тётъ Зин.

— Тебе бы поесть.

— Потом.

— Потом всё уберут.

Нона взяла с подноса у раздаточного окна кусочек хлеба и съела стоя. Помада осталась на корке. Есть хотелось так, что на несколько секунд пропал интерес ко всему остальному.

В гримёрной она заперла дверь, скинула туфли и встала босыми ногами на прохладную плитку.

Комната досталась ей от прежней заведующей складом. Под зеркалом сохранились дырки от полки, в углу стоял сейф без ключа, прикрытый бархатной тканью. Зато лампочки вокруг зеркала были новые, и дверь теперь закрывалась. За это Нона отдельно благодарила Марселя.

На телефоне светилось его сообщение:

«Поела?»

Она набрала: «Да».

Ответ пришёл сразу:

«После работы позвони».

Нона положила телефон экраном вниз.

Марсель спрашивал о еде с той же интонацией, с какой мог спросить, заперли ли задний вход. Забота у него не отделялась от проверки. Впрочем, благодаря ему у неё впервые была квартира, где из окон не дуло, а в ванной не приходилось придерживать коленом дверцу разбухшей тумбы.

Она посмотрела на своё лицо. В тридцать два года Нона ещё хорошо выглядела при любом освещении, но уже знала, какое лучше выключить. Под глазами залегли тени; улыбка держалась не сама, её приходилось поддерживать.

Пластырь нашёлся на дне сумки, под квитанцией за электричество. Она заклеила пятку, надела туфли и достала из шкафа короткий чёрный жакет. Разговаривать о деньгах с голой спиной было неудобно.

Постучали.

— Нона, там к тебе, — сказал управляющий.

— Кто?

— Сомов. Говорит, договаривались.

Она выждала несколько секунд.

— Пусть в малый зал пройдёт. Я сейчас.

Управляющий не ушёл.

— Марсель знает?

Нона повернула голову к двери.

— О чём?

— Что у тебя посетители.

Она открыла замок.

Управляющий был выше её почти на голову, но в тесном коридоре отступил.

— Павел, мне теперь список знакомых ему отправлять?

— Я спросил просто.

— Вот и я просто.

Он потёр указательным пальцем край воротника.

Малый зал отделяла от ресторана тяжёлая штора. Здесь не было сцены, зато стояли три столика, и музыка доносилась достаточно глухо, чтобы разговаривать вполголоса. На подоконнике сохли лимоны в стеклянной вазе: украшение, до которого никому не было дела.

Виктор Сомов поднялся ей навстречу. Издали пиджак казался новым, но на локтях ткань уже блестела.

— Спасибо, что нашли время.

— Мы же договорились.

Она села боком к зеркалу. Он остался стоять.

— Виктор Андреевич, садитесь. Вы меня так пугаете.

Сомов попытался улыбнуться и задел коленом столешницу.

Они познакомились тремя неделями раньше на юбилее хозяина автосервиса. Нона пела, Сомов чинил проводку: свет погас перед вторым отделением, и именинник попросил его посмотреть щиток. Потом оказалось, что у Виктора Андреевича небольшой цех, где делают металлические лестницы и ограждения, двадцать семь работников и заказчик, который четвёртый месяц не рассчитывается за выполненную работу.

Про долги он рассказал ей сам. Под конец вечера всем хотелось кому-нибудь рассказать о себе.

Нона запомнила.

— Ужин не понравился? — спросила она.

— Что?

— Рыбу не тронули.

— А. Нет, хорошая. Просто не идёт.

Он положил на стол тонкую папку и сразу придвинул к себе, словно в ней лежало что-то неприличное.

— Я привёз, что вы просили. По цеху, по оборудованию. Бухгалтер ещё справку дала.

— Это не мне. Человек подойдёт, покажете.

— Он точно будет?

— Конечно.

Виктор Андреевич кивнул слишком быстро.

Нона заметила серую полосу у него на запястье: въевшаяся металлическая пыль осталась там, куда не добиралось мыло. Такие руки были у её отчима, когда он ещё работал токарем. Потом заводские запахи исчезли, а домашние стали хуже.

— Сколько у вас времени? — спросила она.

— До чего?

— До совсем плохого.

Он провёл ладонью по папке.

— Зарплату за прошлый месяц не выдал. Аренду обещал в пятницу. Хозяин говорит, ворота заварит. Я его понимаю, но у меня внутри чужой металл, за него тоже...

Сомов оборвал себя.

— Миллион восемьсот мне нужен. Не больше. Я не хочу лишнего брать.

— Никто не заставляет.

— Под расчёт по заказу. Они заплатят. У них сейчас сменилось руководство, всё заново подписывают.

Эту историю Нона слышала уже дважды. В первый раз он говорил «на следующей неделе», во второй — «вот-вот».

— Вы с ними судиться пробовали?

— Пока будем судиться, у меня сварщики разбегутся.

Она сочувственно кивнула. Это движение получалось у неё лучше многих вокальных приёмов: подбородок чуть вниз, глаза не отводить, паузу не затягивать.

В коридоре слышались шаги.

Аркадий Ильич вошёл без пальто. Значит, уже какое-то время сидел в ресторане, хотя должен был только подъехать. Нона заметила это и не подала виду.

Невысокий, с мягким подбородком, в сером костюме безупречной посадки, он напоминал врача, к которому записываются через знакомых. Под мышкой держал кожаную папку. Часов не носил.

— Простите, задержали.

Он пожал Сомову руку и легко коснулся Нониного плеча.

Она представила мужчин друг другу.

Официант возник у стола прежде, чем его позвали.

— Мне чай, — сказал Аркадий Ильич. — Самый обычный. Вам?

Сомов попросил воды.

Дальше они несколько минут говорили о дороге, перекрытой из-за ремонта, и о погоде. Аркадий Ильич умел не торопиться возле человека, у которого кончалось время. Нона смотрела, как Сомов выравнивает папку относительно края стола.

Наконец тот не выдержал:

— Я понимаю, у вас свои условия. Мне бы понять, могу ли я рассчитывать.

— Сперва посмотрим, — ответил Аркадий Ильич. — Деньги любят ясность.

Он раскрыл принесённые документы.

Нона знала, что собственных денег у него почти нет. Жил он в квартире сестры и месяц назад просил у неё взаймы на ремонт машины. Здесь же, под тяжёлыми шторами, его голос приобретал вес, которого не было в телефонных разговорах.

Настоящие владельцы денег в ресторан не приезжали. Их имена Сомову ничего бы не сказали. Ноне было достаточно того, что они платили за приведённого заёмщика и не задавали вопросов, каким образом она убедила его прийти.

Аркадий Ильич перевернул страницу.

— Помещение не ваше?

— Арендую. Оборудование моё.

— Вижу.

Он читал неспешно. Иногда шевелил губами.

Нона заранее сказала ему, что ждать оплаты от заказчика Сомову, вероятнее всего, придётся дольше, чем тот надеется. Аркадий Ильич тогда помолчал и спросил только, работают ли станки.

Теперь он поднял глаза:

— Сразу предупреждаю: это не банковские условия.

— Мне банк отказал.

— Поэтому мы и разговариваем.

Сомов потянул к себе стакан. Вода дрогнула у края.

Они обсуждали срок, проценты, имущество цеха. Аркадий сказал, что первый платёж будет через месяц. Отдельно назвал триста тысяч за проверку залога и гарантию отсрочки: их удержат при выдаче из миллиона восьмисот. Нона подтвердила, что без этой проверки деньги не дадут. Она знала от Аркадия, что ни проверки, ни гарантии не будет: по двум прежним сделкам за такие же услуги уже удержали по четыреста восемьдесят тысяч, разделив деньги между посредниками. Нона слушала, не вмешиваясь. Неясные места Аркадий Ильич обходил с лёгкостью человека, который хорошо помнит, где в полу скрипят доски.

— А если заказчик задержит? — спросил Виктор Андреевич.

— Будем разговаривать.

Это было сказано тепло. Почти по-родственному.

Нона опустила глаза к своим рукам. На среднем пальце осталась крошка хлеба, прилипшая к помаде. Она стёрла её под столом.

Могла бы сейчас спросить: о чём именно будут разговаривать? Кто придет к воротам, если у Сомова не окажется денег? Но такие вопросы задавали до того, как соглашались получать свою долю.

— Аркадий Ильич человек занятой, — сказала она. — Советую вам завтра всё внимательно прочитать и тогда решить.

Фраза была осторожная, правильная. Даже заботливая. Она потом не раз вспоминала именно такие свои фразы — те, в которых нельзя было найти ничего дурного.

Сомов посмотрел на неё.

— Это люди Марселя?

За шторой звякнула посуда. Кто-то громко рассмеялся.

Аркадий Ильич закрыл папку, оставив палец между страницами.

Нона выдержала взгляд Виктора Андреевича.

— Вы в «Гранате», — ответила она. — Случайных людей я сюда не привожу.

Он медленно выдохнул.

Ни имени, ни обещания она к сказанному не добавила. Марсель действительно владел зданием. Её здесь берегли, ей верили, ей уступали дорогу. Остальное Сомов достроил сам — из шёпота управляющего, почтительности официанта, своей отчаянной потребности найти надёжного человека.

К тому времени, когда чай остыл, встречу на завтра назначили.

Виктор Андреевич собрал бумаги. На лице появилась усталость другого рода: теперь он позволял себе её показывать.

— Вы меня очень выручили, — сказал он Ноне.

— Пока рано благодарить.

— Всё равно.

У выхода Сомов достал телефон.

— Лена? Да, поговорил. Нет, вроде получается.

Он придержал штору плечом, и Нона успела увидеть, как разгладилась складка между его бровями.

Аркадий Ильич дождался, пока шаги стихнут.

— Нервный.

— Зарплату людям должен.

— Все кому-нибудь должны.

Он допил чай и поставил чашку точно в середину блюдца.

— Про Марселя зря.

— Ты бы предпочёл, чтобы я сказала: нет, Аркадий у нас сам по себе, только костюм чужой?

Тот посмотрел на неё без улыбки.

— Костюм мой.

— Тем лучше.

Пауза затянулась.

— Завтра после встречи расчёт, — сказал он наконец.

— Как договаривались.

Аркадий Ильич поднялся. Нона осталась у стола, разглядывая мокрый круг от стакана. Официант подошёл с салфеткой, но она остановила его жестом.

Ещё минуту хотелось посидеть.

В основном зале играла музыка, пока без голоса. Скоро нужно было возвращаться к микрофону, благодарить за цветы, угадывать настроение за лучшими столами. Там хотя бы знали, за что платят.

Телефон завибрировал в кармане жакета.

Марсель.

— Ты почему не ела?

Нона на миг смежила веки.

— Ела я.

— Паша говорит, ужин не заказывала.

— Хлеба съела. Сейчас закажу.

— Нормально поешь. У тебя голос пропадёт.

Она услышала, как на другом конце закрылась автомобильная дверь.

— Приедешь?

— Поздно. Ты домой сразу. И позвони, не забудь.

— Хорошо.

Он помолчал.

— Устала?

Вопрос был неожиданный. Нона провела пальцем по влажному следу на столе.

— Немного.

— Ничего. Отдохнёшь.

Связь оборвалась.

Она убрала телефон, сняла жакет и встала. Пластырь сместился, ремешок снова тёр пятку.

У самой сцены управляющий наклонился к ней:

— Всё в порядке?

— Да, Паша. Всё хорошо.

Нона взяла микрофон. За третьим столом уже помирились: обнявшись, мужчины разливали водку. Сомова в зале не было. Его нетронутую рыбу унесли, скатерть сменили, приборы положили заново.

Лучшее кресло стояло лицом к двери.

ГЛАВА 2. Цена красивой жизни

Наутро пятка прилипла к простыне. Нона потянула ногу, поморщилась и некоторое время лежала неподвижно, глядя на узкую полосу солнца возле шкафа. Шторы сходились неплотно. Марсель обещал прислать человека, чтобы поправить карниз, но она попросила не надо: ей нравилось просыпаться и сразу понимать, светло ли на улице.

В квартире было тихо. За стеной не кашляли, сверху не двигали табурет, в трубах никто не колотил железкой. Первые недели эта тишина мешала спать. Нона включала телевизор в гостиной и оставляла дверь приоткрытой, словно там ждал человек, которому можно крикнуть, если станет плохо.

Теперь привыкла.

Она дошла до кухни, поставила чайник. На столе лежал вчерашний хлеб — хороший, с толстой коркой, уже подсохший на срезе. Рука привычно потянулась за пакетом, чтобы убрать его до вечера.

Нона остановилась.

Можно было выбросить. Купить свежий. Даже не идти самой — заказать, и принесут к двери.

Она завернула хлеб.

Телефон зазвонил, когда закипела вода.

— Доброе утро, — сказал Аркадий Ильич.

За его голосом слышались гудки машин.

— Уже всё?

— Только что вышел. Подписали, деньги получил.

— Всю сумму?

— Миллион восемьсот по договору. На руки — полтора, после удержания за услуги.

Она провела ногтем по шву столешницы.

— Читал?

— Долго. Очки дома забыл, я свои дал.

Нона представила Сомова в чужих очках, с дужками, которые давят за ушами. Он, вероятно, придерживал их пальцем, наклоняясь к каждой странице.

— И что?

— Что — что? Всё прочёл, всё спросил. Взрослый человек.

Аркадий помолчал.

— Тебе куда привезти?

Домашний адрес она ему не давала.

— Я сама подъеду. Через час, возле аптеки на Садовой.

— Только без опозданий. У меня дела.

Пока он изображал занятого человека, она смотрела на хлебный пакет. На дне собрались крошки, осыпавшиеся с подсохшей корки.

— Через час, — повторила Нона и отключилась.

На встречу она надела джинсы, серый свитер и пальто, купленное Марселем. Мягкая шерсть почти ничего не весила. В магазине ей поначалу показалось, что вещь недостаточно тёплая, — за такие деньги хотелось ощутить хоть какую-то тяжесть.

Возле аптеки Аркадий стоял у машины и ел пирожок из бумажного пакета. Увидев её, торопливо дожевал.

— Садись.

— Давай здесь.

Он посмотрел на прохожих.

— Нона, не устраивай.

В машине пахло горячей капустой и жидкостью для омывателя. На заднем сиденье лежало детское кресло, заваленное папками.

— Племянницу возил, — зачем-то объяснил он.

Она не спросила, чью именно.

Аркадий достал из-под сиденья плотный конверт и положил ей на колени.

— Сто восемьдесят. Пересчитай.

Нона вынула деньги. На светофоре впереди сменился сигнал; машины тронулись, а здесь, возле бордюра, всё осталось неподвижным. Она перебирала купюры большим пальцем, раскладывая их на две стопки.

Ей нравилось, что он не говорит «не доверяешь?».

— Всё, — сказала она.

— Я же сказал.

— А я проверила.

Аркадий потёр ладонью рот.

— Он о тебе хорошо отзывается.

Нона убрала конверт в сумку.

— Радуйся.

— Говорит, сейчас людей рассчитать сможет. Один у него уже на другую работу собрался.

Она нащупала дверную ручку.

— Мне пора.

— Слушай. Если ещё кто будет, сначала со мной поговори. Без имён, без ресторана. Поняла?

— Ты вчера сам туда пришёл.

— Вчера пришёл. Сегодня говорю.

Аркадий наконец повернулся к ней всем корпусом. На лацкане у него застряла крошка.

— Марсель ведь не любит, когда через него решают без него.

Нона перевела взгляд на эту крошку, затем ему в лицо.

— А ты не решай через него.

Она вышла раньше, чем он успел ответить.

До перекрёстка шла быстро. Под зажившей мозолью саднило, и пришлось замедлиться. Машина Аркадия обогнала её, не притормозив.

В сумке лежало сто восемьдесят тысяч рублей.

Нона знала женщин, которые зарабатывали столько за год. Ещё недавно сама получала деньги мелкими порциями: за вечер, за песню, за лишний час, который хозяин заведения всегда предлагал уже после того, как музыканты соберут провода. Обещанная сумма при расчёте почему-то уменьшалась. Не пришли гости. Не сделали выручку. Сломалась колонка, а кто её трогал последним?

В одном районном кафе ей отдали часть заработка замороженными курами.

Она тогда не возмутилась. Спросила только, нельзя ли вместо трёх взять две и получить остаток наличными: требовалось заплатить за дорогу. Хозяйка смотрела на неё с обидой, будто Нона отвергала подарок.

Домой певица ехала в автобусе, держа пакет между коленями. Мясо оттаивало. У сапога собралась розовая лужица, и она всю дорогу прижимала к ней салфетки.

Мать куры похвалила.

— Крупные. Нам надолго.

Ни словом больше не напомнила, чем дочери выдали заработок. Только вечером, раздвигая тушку, вдруг с такой силой нажала на нож, что сломала деревянную ручку.

Нона остановилась у витрины обувного магазина.

За стеклом стояли невысокие ботинки без пряжек и украшений. Она несколько раз проходила мимо, но каждый раз находила причину не заходить: поздно, некогда, уже есть похожие. Похожих у неё не было.

Внутри пахло кожей и картоном. Продавщица принесла её размер, поставила рядом с креслом обе полупары и отошла. Не стала предупреждать о цене.

Это всё ещё казалось Ноне особой вежливостью.

Ботинок на правой ноге сел мягко; левый пришлось снимать осторожно.

— Натёрли? — спросила продавщица. — У нас есть пластыри.

— Не надо. Я куплю эти.

— Походите немного.

Она прошла до зеркала. В отражении была женщина в хорошем пальто, с убранными волосами, без сцены, помады и чужого праздника вокруг. Просто покупательница, которой не требовалось заслуживать право остаться в магазине.

Нона попросила убрать старую обувь в коробку.

Рассчитываясь, она вынула деньги из конверта. Отделять первую купюру было неприятно, словно она нарушала что-то цельное. Зато следующая далась легко.

На улице снег подтаял, у водосточной трубы блестела лужа. Нона обошла её и рассмеялась: могла купить другую пару, хоть сейчас, но новые подошвы всё равно берегла.

Мать берегла всё. Полиэтиленовые пакеты мыла, переворачивала и сушила на ручках кухонных стульев. У хорошего полотенца отрезала обтрепавшийся край, потом подшивала, потом делила пополам — получались две тряпочки, которые тоже нельзя было взять для чего попало.

В больничной прачечной ей выдавали резиновые перчатки, но работать в них было неудобно. Из дома она приносила дешёвый крем; тюбик, когда переставал выдавливаться, разрезала ножницами.

Нона помнила не мамино лицо в гробу, а большой палец, торчавший из-под края покрывала. Шершавый, с трещиной возле ногтя. Она хотела спрятать его, но боялась коснуться руки при посторонних. Потом подошла женщина из прачечной и поправила ткань.

За гробом Нона ездила с соседкой.

Человек в тесной конторе раскрыл перед ними толстую тетрадь и начал спрашивать: какой, куда, во сколько, нужен ли транспорт. Всё это следовало решить немедленно. Ноне хотелось сказать, что она не знает, что ей тридцать лет, что мать ещё позавчера звонила и просила не приезжать с пустым желудком.

Вместо этого она спросила:

— А подешевле есть?

Человек перевернул страницу. Ни осуждения, ни удивления — ему задавали этот вопрос каждый день.

Вот это и было хуже всего.

Деньги тогда собирали по частям. Две тысячи принесла соседка, ещё немного дали в прачечной. Хозяин кабака, где Нона пела по пятницам, согласился выплатить заработанное только после долгого разговора.

— Ты мне не пропадай теперь, — сказал он. — На субботу свадьба.

Она стояла с телефоном у окна морга. Под батареей лежала мокрая тряпка, и от горячей пыли тошнило.

— Я мать хороню.

— Я понимаю. А людям что скажу?

В субботу она пела.

У невесты отклеивалась накладная ресница. Свидетель полез поправлять её пальцами, все засмеялись, фотограф попросил повторить. Нона отвернулась к музыканту, будто хотела уточнить вступление. Когда снова подняла микрофон, голос прозвучал ровно.

За это ей дали ещё тысячу.

Сейчас она могла бы оплатить те похороны целиком. Выбрать другой гроб, заказать автобус, накормить пришедших не в тесной маминой кухне, где людям приходилось вставать, чтобы пропустить соседа.

Но исправить уже ничего не получалось. Даже купить матери хороший крем оказалось делом, у которого был срок.

У цветочного киоска Нона задержалась, потом пошла дальше. На кладбище сегодня не успеть: за городом ещё стоял снег, до могилы пришлось бы пробираться в новых ботинках. Можно съездить в выходной. Взять лопатку, перчатки, договориться с машиной на обратную дорогу.

Она перечисляла это про себя, пока не перестала видеть мамин палец.

Дома Нона разложила деньги на кухонном столе. Рядом поставила коробку с прежними туфлями. На светлой бумаге, которой продавщица обернула обувь, остался серый отпечаток подошвы.

Однажды в провинциальном кабаке пьяный посетитель налил ей в туфлю шампанского. Снял с её ноги сам, под одобрительные возгласы компании; хозяин стоял рядом и улыбался. Нона была двадцатитрёхлетней дурой и тоже улыбалась, потому что не понимала, как перестать, не устроив скандала.

Обратно ей пришлось надеть мокрую обувь.

На улице был ноябрь. До остановки — семь минут, автобус — через сорок. Она стояла у закрытого ларька, поджимая пальцы, и думала не о том, что случилось в зале, а о деньгах на такси, которых не было.

Теперь имелись.

На такси, на лекарства, на гостиницу, если понадобится уйти среди ночи. На дверь, которую можно закрыть и никому не открывать. Пока жильё ей дал Марсель, и благодарность жила здесь повсюду: в тёплом полу ванной, в ровном свете над плитой, в просторном шкафу. Она не могла дотронуться до вещи, не вспомнив, кому обязана.

А деньги на столе были её.

Нона сняла пальто и села. Несколько минут просто смотрела на купюры.

Телефон коротко звякнул.

Сомов прислал сообщение.

«Нона, большое спасибо. Всё получил. Уже начал выдавать зарплату. Лена тоже благодарит».

Следом пришла фотография коробки конфет.

«Вечером занесу?»

Она увеличила снимок. На заднем плане виднелся край стола с ободраным покрытием и чья-то ладонь возле ведомости. Обычная рабочая рука. Люди у Сомова расписывались за деньги, которых дождались благодаря ей.

Нона перечитала последнее слово своей мысли.

Благодаря.

Потом набрала: «Не нужно ничего, Виктор Андреевич. Рада, что получилось».

Отправила и перевернула телефон.

Он сам читал договор. Носил очки Аркадия, задавал вопросы, мог встать и уйти. Она не держала его за локоть. Не советовала покупать лишнее, не уговаривала брать больше необходимого. У человека работал цех, оставалось оборудование, заказчик рано или поздно должен был заплатить.

Каждое объяснение было разумным. Вместе они почему-то не помогали.

Нона собрала деньги.

В спальне, за стопкой постельного белья, стояла плоская коробка с мамиными вещами. Несколько фотографий, брошь с выпавшим камешком, дешёвые часы на растянутом браслете. Она достала её, подняла крышку.

Сверху лежал сложенный носовой платок. Мать гладила такие, ещё влажные, и складывала вчетверо; после смерти Нона так и не смогла ни постирать его, ни выбросить.

Класть конверт сюда не хотелось.

Она вернула коробку на место, а наличные убрала в пустую сумку на дальней полке.

Позвонил Марсель.

— Что делаешь?

— Обувь купила.

— Какую?

— Удобную. Без каблучков.

— Хорошо. Деньги есть?

Нона взглянула на открытый шкаф.

— Есть.

— Если надо, скажи.

— Не надо.

Он услышал что-то в её голосе.

— Ты чего?

— Ничего. Просто есть.

Марсель помолчал, потом сообщил, что вечером не приедет, и велел не задерживаться после выступления. Она пообещала.

К ужину Нона достала подсохший хлеб, нарезала его тонко и поджарила на сухой сковороде. Получилось вкусно. Можно было уже не называть бережливость бедностью.

Перед выходом она ещё раз открыла шкаф и проверила конверт.

Деньги лежали там, где она их оставила. Никто не мог пересчитать их вместо неё, вычесть недостающую выручку, попросить потерпеть до пятницы. Не требовалось улыбаться, чтобы получить своё.

Нона застегнула сумку, задвинула её подальше и закрыла дверцу.

В новых ботинках пятка почти не болела.

ГЛАВА 3. Подарок с замком

В пятницу Марсель приехал до полудня. Нона ещё сушила волосы и не услышала, как повернулся ключ. Увидела его в зеркале ванной — тёмное пальто, белый уголок рубашки, кожаная папка под мышкой — и выронила щётку.

Он нагнулся первым.

— Ты чего пугаешься?

— Позвонил бы.

— Звонил. Не берёшь.

Телефон остался на кухне. Сквозь шум фена она не услышала бы и пожарную машину.

Марсель положил щётку возле раковины и посмотрел на пластырь, завернувшийся у неё на пятке.

— Опять натёрла?

— Старое.

— Новую обувь выброси.

— Новая удобная.

Он провёл пальцем по её мокрой шее, убрал прилипшую прядь. От его ладони пахло морозом и кожей перчаток. Нона прикрыла глаза: прикосновение оказалось приятным именно потому, что она ещё сердилась.

— Собирайся, — сказал он. — К нотариусу поедем.

Она выключила фен.

— Зачем?

— Квартиру оформлять.

Несколько секунд слышно было только, как в вытяжке гудит воздух.

— На меня?

— На кого же.

Он улыбался, следя за её лицом, и Нона поняла, что должен был увидеть сейчас: удивление, радость, порыв обнять. Всё это в ней было, но прежде возникло другое, неловкое: где паспорт? Не остался ли в сумке рядом с конвертом?

— Я думала, ты просто разрешил здесь жить.

Марсель перестал улыбаться.

— Разрешил — это дворнику в подсобке. Я тебе обещал квартиру.

— Ты сказал: живи.

— Ну вот и живи.

Он вышел, оставив папку на стиральной машине. Нона потрогала её гладкий угол. Здесь помещалось то, чему прежде требовались стены, лестница, крыша: вещь такой величины вдруг можно было унести под мышкой.

На кухне Марсель уже открыл хлебницу.

— Ты завтракала?

— Сейчас буду.

— Мы на двенадцать записаны.

До двенадцати оставалось сорок минут. Она хотела спросить, когда он решил и почему не сказал вчера, но вопрос рядом с подарком выглядел мелочным. Можно было хотя бы сегодня не придираетсяя.

Нона достала из шкафа синее платье.

— Брюки надень, — донеслось из кухни. — На улице каша.

Она подержала платье перед собой и повесила обратно.

В машине он разговаривал по телефону. Сначала спокойно уточнял какие-то суммы, потом спросил:

— А когда вы открывались, кто там стоял?

Ответ длился долго. Марсель смотрел на светофор и тёр большим пальцем костяшку указательного.

— За пятницу и субботу отдельно привезёшь. Не надо мне про пустой зал.

Нона отвернулась к окну. У булочной женщина пыталась втянуть детскую коляску на высокую ступеньку. Прохожий взялся за переднюю ось, слишком резко поднял; из-под капюшона показалась маленькая красная варежка.

Марсель закончил разговор и накрыл её колено ладонью.

— Молчишь?

— Думаю.

— О чём тут думать?

Она хотела ответить: о том, как долго ты это готовил без меня. Вместо этого сказала:

— Никогда ничего своего не было.

Он сжал её колено.

В нотариальной конторе стояли низкие кресла, из которых приходилось выбираться с усилием. На столике лежал журнал о загородных домах; Нона раскрыла его на фотографии ванной комнаты размером с мамину кухню и сразу закрыла.

Марсель не сел. Ходил от окна к двери, отвечая на сообщения.

— Ты могла раньше сказать, что тебя это беспокоит, — произнёс он.

— Что?

— С квартирой.

— Я не просила.

— Знаю.

В этом коротком ответе было удовольствие. Ему нравилось, что она не просила, и хотелось, чтобы Нона понимала, насколько это важно. Она подняла глаза, улыбнулась. Получилось искренне.

Нотариус оказалась женщиной примерно маминых лет, с маленьким круглым шрамом у основания большого пальца. Она говорила не торопясь, проверила паспорта, объяснила содержание договора дарения. Нона читала каждую страницу. Адрес был знакомым, площадь — неожиданно большой; собственное полное имя среди строгих строк выглядело именем женщины, у которой давно всё устроено.

— После регистрации перехода права квартира будет принадлежать вам, — пояснила нотариус. — Документы направим в электронном виде.

— А он потом может передумать?

Марсель перестал покачивать ногой.

Женщина посмотрела на Нону поверх очков.

— Просто передумать и забрать подарок нельзя. Для отмены дарения нужны предусмотренные законом основания.

Она перечислила их. Нона слушала внимательно, хотя чувствовала, как рядом меняется его дыхание.

Возник и вопрос о налоге: близкими родственниками они не были. Марсель потянулся к папке, но нотариус продолжила объяснять именно Ноне — о декларации, сроках, обязанности уплатить. Та впервые за всё утро достала из сумки ручку и записала.

— С деньгами я решу, — сказал он.

— Но отвечать мне?

— Да, — подтвердила женщина.

Нона кивнула.

Подпись вышла мельче обычного. Она поставила вторую, вернула ручку и вдруг ощутила сухость во рту. Хотелось пить и почему-то проверить, не испачкались ли пальцы.

На улице Марсель остановился возле машины.

— Зачем ты это спросила?

Она сразу поняла, о чём он.

— Хотела знать.

— Думаешь, я у тебя отбирать стану?

— Я впервые такое подписываю.

Он держал дверь открытой, но не отходил, и Нона не могла сесть, не задев его плечом.

— Если даю, значит, даю.

— Спасибо, — сказала она.

Слово прозвучало меньше, чем требовалось. Пришлось подняться на носки и поцеловать его. Он ответил не сразу, словно ещё решал, достаточно ли этого, потом обнял за спину и прижал к себе.

По дороге Марсель предложил обедать. Нона напомнила, что к четырём обещала приехать на репетицию: клавишник подобрал две новые песни.

— Успеешь.

Заказ он сделал почти не глядя в меню. Ей — рыбу, себе — мясо, на двоих салат. Она собиралась взять суп, но официант уже отошёл.

— Сегодня вечером дома побудем, — сказал Марсель.

— У меня два выхода.

— Я договорюсь.

— Подожди. Там люди столы заказали.

— На тебя?

Нона отвела глаза.

Он взял телефон, позвонил управляющему «Граната» и сообщил, что певицы сегодня не будет. Никакого спора на другом конце не возникло. Даже паузы не было.

— Всё, — сказал Марсель. — Отдохнёшь.

Она расправила на коленях салфетку.

Отменённый вечер означал потерянные деньги, но сказать это сейчас, после нотариуса, казалось стыдным. Ещё хуже было сознаться, что ей хотелось петь новые песни. Не для гостей даже — услышать, как голос ложится на музыку, найденную вместе с человеком, который не спрашивал, поела ли она, и не мог отменить её день одним звонком.

— На репетицию я всё-таки поеду.

Марсель посмотрел внимательно.

— Тебе обязательно сегодня?

— Мы договорились.

Принесли салат. Официант поставил между ними широкую тарелку, и это помогло: пришлось отодвинуть стаканы, убрать локти.

— Ладно, — сказал он. — Только к семи будь дома. По дороге ничего не покупай.

Нона взяла вилку.

Она добилась своего и могла бы порадоваться, если бы не это «к семи», положенное рядом, как сдача.

После репетиции клавишник предложил выпить кофе в соседней пекарне. Обычно они расходились сразу; сегодня он был доволен новой концовкой и хотел ещё что-то обсудить.

— Не могу, — ответила Нона. — Меня ждут.

— Ну завтра тогда.

Он не обиделся. От этого стало легче и одновременно досадно: никто не видел, чего ей стоил этот простой отказ.

Домой она приехала без десяти семь.

В прихожей стояли мужские ботинки. На кухне Марсель освобождал от бумаги букет — ветки с мелкими белыми цветами, названия которых она не знала. Вода лилась из крана прямо в высокую вазу.

— Как прошло? — спросил он.

— Хорошо. Одну песню почти сделали.

— Руки помой. Сейчас есть будем.

На столе стояли закрытые блюда из ресторана. Рядом лежала небольшая коробочка.

Нона замерла.

— Ещё?

— Открой.

Внутри оказался серебряный брелок, плоский, овальный, без рисунка. К кольцу уже были прикреплены два квартирных ключа.

— Твои же у меня есть.

— Эти запасные. Чтобы не теряла.

Она вынула подарок. Металл сразу согрелся в ладони.

Марсель снял с пальца собственную связку и положил возле телефона. Среди автомобильных ключей торчали ещё два таких же, с длинными зубчатыми бородками.

— А эти? — спросила Нона.

— Мои.

— Я вижу.

Он поднял на неё глаза.

Она могла сейчас сказать, что хочет иногда не открывать. Что дверь нужна не только против чужих, и подаренная квартира не делает её доступной в любое время суток. Но это прозвучало бы так, будто ей есть кого прятать.

— Хотя бы звони перед тем, как войти, — попросила она. — Я утром испугалась.

— Я же звонил.

— А если не ответила?

— Значит, надо проверить.

Марсель произнёс это совершенно серьёзно. Нона представила, как он едет через город, потому что у неё сел телефон, и вдруг почувствовала нежность — неудобную, не отменявшую ничего из сказанного.

Она обняла его за пояс.

— Со мной всё хорошо.

Он положил руку ей на затылок.

— Пусть так и будет.

Вечером они ели рыбу, которая успела остыть, смотрели без звука какую-то передачу. Марсель расстегнул ворот рубашки, вытянул ноги; усталость проступила вокруг его рта двумя глубокими складками. Рядом с ним Нона впервые за день перестала подбирать выражение лица.

Она коснулась этих складок пальцем.

— Болит что-нибудь?

— Нет.

— Тогда не хмурься.

Он поймал её руку и поцеловал ладонь. Не торопил, ничего не спрашивал. Когда притянул к себе, Нона села рядом, поджав ноги, и сама нашла губами его шею над раскрытым воротом.

Позже, в спальне, он был внимателен к ней так, как не умел быть за столом или в машине. Замечал движение плеча, перемену дыхания, останавливался от едва заметного жеста. Нона старалась удержать именно этого человека: тёплого, тяжёлого, способного услышать без слов.

Под утро он укрыл ей спину и заснул, оставив ладонь на её боку.

Она лежала неподвижно. Чужая рука не давила, но повернуться под ней было трудно.

В начале следующей недели пришло подтверждение регистрации. Марсель привёз выписку и экземпляр договора в жёсткой папке с завязками.

— Теперь точно хозяйка, — сказал он.

Нона села у окна. Прочла документ дважды, нашла своё имя, адрес, ещё раз имя. Никакой ошибки не было.

— Можно я кухню перекрашу?

Он рассмеялся.

— Для этого квартиру получать необязательно.

— В жёлтый.

— Только не в тот, как у тебя раньше был. Будто в больнице.

Она помнила прежние обои: бледные, в мелкую полоску. Мать выбрала их на распродаже и радовалась, что хватило на всю кухню.

— Посмотрим, — сказала Нона.

Марсель кивнул на завязки.

— Убери, чтобы не затерялось.

Документы она положила в шкаф, рядом с коробкой маминых вещей. Конверт с наличными остался выше, в пустой сумке. Теперь у неё были и деньги, и жильё, но соединить их в одну ясную мысль о свободе не получалось.

Из гостиной Марсель окликнул:

— В воскресенье ко мне поедem. Ребята будут, с жёнами.

Нона закрыла шкаф.

В воскресенье она собиралась на кладбище. Уже посмотрела прогноз, узнала у знакомого водителя, сколько будет стоить дорога туда и обратно. Об этом никто не знал, кроме неё.

— Я хотела к маме.

Он появился в дверях.

— Так утром съездим. Потом ко мне.

— Там ещё снег.

— Возьмём лопату.

Он говорил без раздражения. Наверное, действительно взял бы лопату, очистил дорожку, поправил ограду. Нона увидела его возле могилы — дорогое пальто, запачканные ботинки — и поняла, что не хочет ни отказываться от этой помощи, ни принимать её.

— Хорошо, — ответила она. — Утром.

Когда он ушёл, Нона впервые заперла дверь новым ключом. Потом вынула его и положила на тумбочку серебряным брелоком вверх.

Постояла, прислушиваясь к лифту.

Квартира принадлежала ей. Можно было продать её, завещать, перекрасить стены в любой цвет. Это объяснила женщина со шрамом на руке, и бумага в шкафу подтверждала каждое слово.

Нона подошла к кухонному окну. На подоконнике лежал карандаш; она взяла его и на обороте магазинного чека написала: «Краска».

Подумав, добавила: «Жёлтая».

Чек прикрепила к холодильнику, на видное место.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.